УДК 329

ОСОБЕННОСТИ И ДИСКУРС РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: СТАНОВЛЕНИЕ «ГИБРИДНОЙ» МОДЕЛИ

Хмелинин Алексей Алексеевич,
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Аннотация
В статье автор, применяя дискурс-анализ, рассматривает особенности современного российского неолиберализма. Выдвигается гипотеза о гибридном характере современного российского неолиберализма – как основной его особенности, которая заключается в том, что данная идеологическая доктрина имеет потенциал адаптации к условиям политической реальности, позволяющий ей принимать различные, подчас симбиозные, формы с иными доктринами.

Ключевые понятия:
неолиберализм, дискурс, гибридность, социальная справедливость, политическое пространство.

Дискурс-анализ как одно из актуальных и эффективных направлений политических исследований позволяет проследить формирование и реализацию неолиберальной доктрины в контексте иных идеологических платформ.

Интересной представляется дискурс-теория Я. Торфинга, построенная в русле постструктурализма. Согласно данной теории «не существует первичной, самодетерминированной сущности, которая определяет и упорядочивает все отношения идентичности», поэтому она «образуется в ходе позиционирования в отношении других означаемых явлений» [17]. С данной позиции феномен неолиберальной доктрины может быть раскрыт только в сравнении с феноменами других политических доктрин.

Кроме того, динамический аспект дискурса позволяет рассматривать и объяснять трансформации в политической сфере, в том числе и процессы адаптации политических доктрин к существующей социально-экономической реальности. Подтверждение этому можно увидеть в теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. В их прочтении политическая сфера общества есть не что иное, как поле перманентной дискурсивной «битвы». Исходя из такого понимания политической сферы, российский неолиберализм как идеология и политическая доктрина есть результат конструирования политики именно в России, в современный исторический период и на этих идеологических платформах (консерватизм, либерализм, социализм).

Видный либеральный философ Дж. Грей писал: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада» [6, с. 13].

Неолиберализм был своеобразным откликом политической идеологии развития общества и государства на угрозы современности (кризис индустриализма), если пользоваться терминологией Тойнби. Первые результаты существования этой доктрины в западных обществах позволили в научном плане говорить о доминировании индивидуалистических настроений во всех сферах жизнедеятельности общества (тэтчеризм, рейганомика). М. Фридман утверждал, что: «Позитивная экономическая теория есть или может быть объективной

наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука» [21, с. 20]. Первые результаты привели к восторженному восприятию доктрины и последующей апробации на «незападных» государствах. Однако и начались первые проблемы – неолиберализм затормозил развитие мирового хозяйства и резко перераспределил богатство в пользу богатого меньшинства (стран и населения).

Российское общество последние двадцать лет находится в состоянии перманентной трансформации. За эти годы в РФ также проводились неолиберальные реформы. Уже к середине 90-х годов мнение о «провале» этих реформ, приведшем к социально-экономической катастрофе, стало общепризнанным среди отечественных и западных специалистов. Бывший идеолог неолиберализации Дж.Стиглиц дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [18, с. 45].

По мнению С. Кара-Мурзы, сегодня в России налицо кризис всего «неолиберального капитализма», который зародился в реальном секторе экономики. И он обязательно затрагивает политическую систему, структуру ценностей, идеологию [1].

Попытаемся выделить основные особенности дискурса российского неолиберализма. Среди таковых наиболее значимой выступает *его гибридный характер как особенность конструирования российской политической реальности.*

В 90-е гг. постсоветская Россия столкнулась с кризисом социалистической идеи и разочарованием в либеральной идеологии. Популярность стали получать политико-идеологические симбиозы, состоящие из различных идеологических доктрин (например, консервативно-социалистический гибрид, либеральный консерватизм, социальный либерализм). Матвеева С.Я. в своих исследованиях выделяет такие понятия и идеологические платформы, как «социальный консерватизм», «прогрессивный консерватизм», «демократический консерватизм», «либеральный консерватизм», «консервативный либерализм», «социальный либерализм», «либеральный социализм» и т. д.[16].

В российских условиях традиционно популярными и понятными можно считать доктрины консерватизма и социализма. Однако объединение консерватизма и либерализма будет зависеть от соотношения компонентов и от внешнего воздействия – условий, которые определяют содержание и темпы процесса в зависимости от потребностей конкретного момента или субъекта. П.Б.Струве полагал, что либеральный консерватизм возникает в некоторой точке, где «либерализм и консерватизм, конечно, сходятся» [14, с. 133], однако приоритетными будут являться принципы консерватизма, которые претерпевают некоторые изменения в связи с глобальными переменами. Другие исследователи настаивают именно на варианте «консервативного либерализма», который является одной из форм либерализма и «пытается прорабатывать либеральную парадигму, ее основные идеи и принципы с учетом конкретных нравственных идеалов, исторически сложившегося регионального, культурного и профессионального опыта» [8, с. 6].

Характеристика курса неолиберальных реформ в России имеет в основном негативный оттенок: разные специалисты в разное время называли его «шоковой терапией»[9], «Вашингтонским консенсусом»[7], «модернизацией», «стратегией перехода»[18] и т.д.

Базовыми характеристиками «неолиберальной стратегии перехода» называются три направления экономической политики: стабилизация, либерализация и приватизация государственных предприятий. М.Г. Макарычева отмечает, что к особенностям российского неолиберализма «необходимо также отнести прекращение государственного распределения ресурсов и снятие некоторых барьеров в сфере международной торговли и капиталовложений»[6].

Для российской политической ситуации характерно рассматривать неолиберализм как главный из факторов, способных ввести общество в состояние анархии «Когда те, кому выпала доля пережить то время, вспоминают о нем, в их памяти всплывает картина безграничного, бескрайнего либерализма – всеобщие хаос и анархия, массы людей, бросившихся на улицы продавать все, что у них есть под рукой, чтобы хоть как-то прокормиться, трескучая демагогия власти о «невидимой руке» рынка, которая, мол, одна только способна спасти страну, и быстрое формирование класса крупных собственников». Так описывает отношение к неолиберальным реформам под руководством Е. Гайдара В. Бушуев [2].

Таким образом, причины кризиса в стране российское общество склонно искать в неолиберальных ценностях, пред-

лагаемых отдельными представителями правящего режима (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс) или некоторыми политическими силами («Единая Россия»). Это и послужило причиной того недоверия, которое современное российское общество проявляет как к политическим силам неолиберального и либерального толка, так и к самим идеям и ценностям неолиберализма.

Самое значимое обвинение неолиберальной политике в России предъявляется в отношении социальной справедливости и культурных проблем. Так, например, Т.И.Заславская свидетельствует: «В последние годы в нашей стране наблюдается снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни» [10, с. 13].

Однако, по мнению Б.Ю. Кагарлицкого, «эти-то претензии как раз не обоснованы, потому что неолиберализм не обещает нам социальной справедливости, он обещает нам только ускорение экономического роста. Но во всех странах, где проводится экономическая политика в духе неолиберализма, в долгосрочной перспективе наблюдается замедление экономического роста. Вот это – статистический факт» [8, с. 3]. И действительно, этот «факт» можно увидеть в первоначальном «чилийском чуде», в неолиберальных экспериментах в Юго-Восточной Азии и т.д.

Потребность в социальной справедливости в силу постоянно возрастающего неравенства во всех областях жизни общества. Такие ошибки привели к высокому уровню бедности в России. По некоторым оценкам, уровень бедности в стране достигает 65–70 % населения.

Высокий уровень социально-экономического неравенства приводит к недоверию ко всем переменам и лицам, их олицетворяющим, однако для России характерно и то, что растущее неравенство привело к преобладанию авторитаризма. По мнению одного из реформаторов перестроечной волны, А.Яковлева, проблема России заключается в том, что она «находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций – либерализма и авторитаризма, определяющих на самом деле будущее России» [23, с. 35].

Здесь мы выделяем следующую особенность – *это двойственное восприятие населением либерально-демократических ценностей и институтов в российской современной ментальности.* Согласно опросам общественного мнения, либеральные ценности и демократические институты не востребованы населением, не в полной мере принимаются им, однако и не отвергаются полностью.

К началу XXI века в России произошло накопление, по выражению В.Н. Якимца, критической массы «несправедливых неравенств» [24, с. 114], что повлияло на отторжение населением некоторых либеральных ценностей, провоцирующих и усугубляющих социальное неравенство.

Понимание социальной справедливости и ее востребованность – традиционно злободневная российская тема наравне с такими понятиями, как свобода, конкуренция, демократия. Разночтения и противоречивость интерпретации понятия социальной справедливости всегда лежат в основе политических российских преобразований. Поэтому и восприятие категории «социальная справедливость» чаще всего происходит по аналогии с «социальным равенством», которое достижимо в условиях демократического общества.

По мнению Бойкова В.Э., признание людьми ценностей, выраженных в понятиях «материальное благополучие», «социальная справедливость», «демократия», ведет к «согласию умов», ценностно-ориентационному единству социума; напротив, существенные разногласия в понимании их смысла, а также большое расхождение между доминирующими в массовом сознании ценностными представлениями с социальной практикой могут, как представляется, повлечь за собой социальную дезинтеграцию общества [3, с. 28].

Отчасти подтверждение этому было получено в результате проведения выборов в Государственную Думу в декабре 2011 и президентских выборов в марте 2012 года. Протестные настроения, общее несогласие, осознание возможности наконец-то «отдать» свой голос и повлиять на ситуацию разделили российское общество на отдельные социумы.

Еще одним итогом прошедших выборов явилось движение российской политической системы в сторону старой, консервативно-патерналистской модели управления. По мнению С. Вилисова, 2 декабря 2011 года произошел крах неолиберализма в России, что, впрочем, отразило глобальные тенденции краха данной идеологии в мировом масштабе [5].

Такое «раскачивание» политического маятника в политической сфере России от радикального либерализма к радикальному же консерватизму находит свое отраже-

ние и в цикличности политического курса. Как отмечает Г. Хейл, в России, вплоть до 2025 года, не представляется возможной реализация подлинной демократии: «Более реальной представляется модель циклической смены режимов, когда период политической открытости, приходящий вслед за отстранением предыдущего режима от власти, прерывается и сменяется чем-то похожим на этот предыдущий режим» [22, с. 31].

Как показывают различные социологические опросы населения, рост оптимистических взглядов на ближайшее будущее, наблюдавшийся в течение нескольких прошлых лет, сменился преобладанием пессимистических ожиданий. Тем не менее, неолиберализм как экономическое направление продолжает активно развиваться, усиливая социальное неравенство.

И в этом проявляется следующая *особенность российской модели неолиберализма – его противоречивость*. С одной стороны, проводимые реформы были направлены на решение проблем социума (монетизация льгот, реформа ЖКХ, пенсионная и бюджетная реформы), с другой стороны – реализация всех направлений реформирования привела к формированию транснациональных корпораций, коммерциализации социальной сферы, резкому разрыву между доходами населения и способствовала росту социального неравенства. «По данным, приведенным в октябре 2012 года в докладе Global Wealth Report, на долю 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов – в 2 раза больше, чем в США, Европе, Китае, в 4 раза больше, чем в Японии» [16].

Тенденции, характеризующие дуальный вектор развития российского неолиберализма, можно проследить в последовательном, преемственном реформировании социально-экономической сферы. Б. Макаренко, рассматривая транзитные переходы посткоммунистических стран к неолиберальной модели, высказывает мнение, что их главной специфической чертой является «существенно большая роль субъективных процедурных факторов (agency) политического развития в сравнении с объективными, структурными (structure)» [11, с. 84]. Так, радикальные действия по переходу к демократической либерально-рыночной модели управления начали осуществляться в период президентства Б. Ельцина, и связаны они с именами Е. Гайдара, А. Чубайса. Один из самых значительных «промахов» маркетизации – ваучеризация по Чубайсу. Фактически неолиберализм стал радикальной доктриной, либертариантством, что противоречит сути идейной его базы – либерализма, поэтому отдельные исследователи называют его эпохой «псевдолиберализма» [4].

Далее политический курс в сторону неолиберализма продолжил преемник Б. Ельцина – В. Путин. В своем послании Федеральному Собранию он подчеркивает: «Определяющие ценностные ориентиры – идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии... Соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено не кем иным, как государством» [15]. Как раз последнее высказывание и подтверждает неолиберальную направленность курса В. Путина. Однако это была уже гибридно-противоречивая модель неолиберализма, адаптировавшаяся к изменившимся условиям социально-экономической жизнедеятельности и политической ситуации, склоняющаяся к консерватизму. Неолиберальный курс реформ был продолжен Г. Грефом, М. Зурабовым, А. Починком, на политической арене активным субъектом неолиберализации выступает СПС.

В. Путин – классический неолиберал наряду с Б. Немцовым, Г. Каспаровым, Е. Гайдаром и пр. Сейчас курс дуалистического неолиберализма осуществляет «Единая Россия», оставаясь внешне партией консервативно-охранительного толка.

В рамках своей предвыборной программы в 2012 г. В.В. Путин опубликовал статью «Строительство справедливости. Социальная политика для России», в которой изложил последовательно, как неолиберальная политика может обогатиться и «прирасти» социальными вопросами и справедливостью. Можно отметить, что социальная политика понимается Путиным как способ капитализации российского общества, при этом его предложения не вписываются в традиционную сетку «право-, левоцентристских идеологий».

В.В.Путин говорит о том, что свободный рынок и политика по развитию социальной сферы и накоплению человеческого капитала вполне совместимы и дополняют друг друга. Таким образом, можно констатировать, что современная доктрина неолиберализма в России возможно переходит на новый уровень развития и начинает носить комплексный характер.

Однако отдельные авторы высказывают мнение о том, что в России утвердился

«либеральный фундаментализм», определяющий политику и экономику, и никакие усилия по конвергенции доктрины не приведут к результатам [9].

Для России может оказаться актуальной концепция Н. Боббио относительно совмещения при демократическом режиме традиций либерализма и социализма, который отмечает, что в реальности для функционирования любого демократического режима необходима определенная доля социального равенства и справедливости [2, с.19]. Анализируя практику демократических режимов, Боббио приходит к выводу о том, что рыночная экономика есть необходимое условие демократии. Существуют недемократические общества с рыночной экономикой, но нет примеров демократий без рынка. При этом устойчивость демократическому режиму придают минимальные социальные гарантии, а это означает, что оптимальной идеологической доктриной политики является либерал-социализм, или социал-либерализм, в которой совмещаются либеральные свободы и социальные права. Принципы либерализма можно считать основой формирования демократии, а принципы социализма – основой ее устойчивости.

Неолиберализм, неосоциализм и неоконсерватизм являются одним из основных акторов политических процессов современной России одновременно как идеологические системы и как политические силы, определяемые по их взаимоотношениям с властью.

1. Батчиков, С., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция «Глобализация и развитие» в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / С. Братчиков, С. Кара-Мурза. URL: http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html (дата обращения: 11.01.2013).

2. Боббио, Н. Правые и левые [Текст] / Н. Боббио // Неприкосновенный запас. 2003. № 5 (31). С. 17–31.

3. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойко // Социологические исследования. 2010. № 6 (Июнь). С. 27–35.

4. Бушуев, В. Свет и тени: от Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории [Текст] / В. Бушуев. М.: Культурная революция, 2006. 624 с.

5. Вилисов, С. Крах «Единой России» 4 декабря – это крах неолиберальной идеологии [Электронный ресурс] / С. Вилисов. URL: http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krah-edinoy-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoy-ideologii/ (дата обращения: 11.01.2013).

6. Грей, Дж. Поминки по Просвещению [Текст] / Дж. Грей. М.: Праксис, 2003. 345 с.

7. Ефременко Д.В. Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио. О конкуренции политических дискурсов глобализации и устойчивого развития // Свободная мысль. 2007. № 2 (1573). С. 34–45.

8. Интервью Бориса Юльевича Кагарлицкого [Текст] // Скепсис. 2010. № 3/4. С. 3–15.

9. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009. 656 с.

10. Леонтьев, М. Большая Игра. Британская империя против России и СССР / Михаил Леонтьев. М.: Астрель; 2012. 347 с.

11. Макаренко, Б. Рамки развития политической системы [Текст] / Б. Макаренко // Pro et Contra. 2012. № 4–5. С. 82–92.

12. Макарычева, М.Г. «Неолиберальная стратегия перехода» в России и американская внешняя политика [Электронный ресурс] / М.Г. Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. 2001. №1. URL: www.unn.ru/?main=issues&sub=vestnik (дата обращения: 11.01.2013).

13. Матвеева, С.Я. Консервативный либерализм в современной России. Либерал-радикальный проект в консервативной среде [Электронный ресурс] / С.Я. Матвеева. URL: http://www.libertarium.ru (дата обращения: 11.01.2013).

14. Петраков Н., Перламутров В. Россия – зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 12–23.

15. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина [Текст] // Российская газета. 2005. 26 апреля.

16. Примаков, Е. Современная Россия и либерализм [Текст] / Е. Примаков // Российская газета. 2012. 17 декабря.

17. Русакова, О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций [Электронный ресурс] / О.Ф. Русакова. URL: http://politex.info/content/view/15/42/ (дата обращения: 11.01.2013).

18. Соловейчик В. Путями «Вашингтонского консенсуса» [Электронный ресурс] // / Соловейчик URL: http://www.sensusnovus.ru/opinion/2012/07/23/14064.html (дата обращения: 11.01.2013).

19. В.Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции [Текст] / Дж. Стиглиц. М.: Мысль. 2003. 251 с.

20. Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 130-143.

21. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

22. Хейл, Г. Динамика правящего режима в России [Текст] / Г. Хейл // Pro et Contra. 2012. № 4–5. С. 30–36.

23. Якимец, В.Н. О переформировании подхода к социальной справедливости в России [Текст] / В.Н. Якимец // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте. Сб.ст. / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Нева, 2007. 98 с.

24. Яковлев, А.Н. Реформация в России [Текст] А.Н. Яковлев // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 34–46.

1. Batchikov S., Kara-Murza S. 8-th mezhdunarodnaya konferentsia «Globalization and development» in Havana (Cube). URL: http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).

2. Bobbio N. Pravye I levye. // Neprikosnovenniy zapas. 2003. № 5 (31). S. 31–67 (Russian).

3. Boikov V.E. Socialno-politicheskiyes tsennostnye orentatsii rossiyan: soderzhanie I vozmozhnosti realizatsii // Sotsiologicheskie issledovania. 2010. № 6. S. 27–35 (Russian).
4. Bushuev V. Svet i teni: ot Lenina do Putina. Zametki o razvilkah I personah rossiyskoy istorii. M.: Kulturnaya revolutsia, 2006. 624 s. (Russian).
5. Vilisov S. Krah Edinoj Rossii 4th Dekabrya – eto krah neoliberalnoj ideologii. URL: http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krah-edinoy-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoy-ideologii/ (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).
6. Grey Gr. Pominki po Prosvescheniyu. M.: Praksis, 2003. 345 s. (Russian).
7. Efremenko D.V. Vashingtonskij consensus protiv konsensusa Rio. O konkurentsii politicheskih diskursov globalizatsii i ustojchivogo razvitiya // Svobodnaya mysl. 2007. №2 (1573). S. 34–45 (Russian).
8. Interview Borisa Yurievicha Kagarlitskogo // Skepsis. 2010. № 3/4. S. 3–15 (Russian).
9. Klyajn N. Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof. M.: Dobraya kniga, 2009. 656 s. (Russian).
10. Leontiev M. Bolshaya Igra. Britanskaya imperia protiv Russii i SSSR. M.: Astrel, 2012. 347 s. (Russian).
11. Makarenko, B. Ramki razvitiya politicheskoy systemy // Pro et Contra. 2012. № 4–5. S. 82–92 (Russian).
12. Makarycheva M.G.. «Neoliberalnaya strategiya perehoda» v Rossii I amerikanskaya vneshnyaya politika // Vestnik nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. № 1. URL: www.unn.ru/?main=issues&sub=vestnik (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).
13. Matveeva S.Y. Konservativniy liberalism v sovremennoy Rossii. Liberal-radikalniy proekt v konservativnoy srede. URL: http://www.libertarium.ru (дата обращения: 11.01.2013) (Russian)
14. Petrakov N., Perlamutrov V. Rossia – zona ekonomicheskoy katastrofy. // Voprosy economiki. 1996. № 3. S. 12–23 (Russian).
15. Poslanie Federalnomu Sobraniu Rossiyskoj Federatsii Prezidenta Rossii Vladimira Putina. // Rossijskaya gazeta. 2005. 26 aprelya (Russian).
16. Primakov E. Sovremennaya Rossia I liberalizm // Rossijskaya gazeta. 2012. 17 dekabrya (Russian).
17. Rusakova O.F. Osnovnye raznovidnosti sovremennyh teorij politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsij. URL: http://politex.info/content/view/15/42/ (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).
18. Solovejchik V. Putyami "Vashingtonskogo konsensusa" // URL: http://www.sensusnovus.ru/opinion/2012/07/23/14064.html (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).
19. Stiglits G. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii. M.: Mysl, 2003. 251 s. (Russian).
20. Struve P.B. O mere I granitsah liberalnogo konservatizma. // Politicheskiye issledovaniya. 1994. № 3. S. 130–143 (Russian).
21. Fridman M. Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki. // THESIS. 1994. Vyp. 4. S. 20–52 (Russian).
22. Hale G. Dynamika pravyashego rezhima v Rossii. // Pro et Contra. 2012. № 4-5. S. 30–36 (Russian).
23. Yakimets V.N. O pereformirovanii podhoda k sotsialnoy spravedlivosti v Rossii. // «Aktualnye levye» v mezhdunarodnom I rossijskom politicheskom kontekste. Sb. st.. / Pod red. L.V.Smorgunova. SPb.: Neva, 2007. 98 s. (Russian).
24. Yakovlev A.N. Reformatsia v Rossii. // Obshetvennye nauki I sovremennost. 2005. № 2. S. 34–46 (Russian).

UDC 329

FEATURES AND DISCOURSE OF RUSSIAN NEOLIBERALISM: THE ESTABLISHMENT OF "HYBRID" MODEL

Khmelinin Aleksey Alekseevich,
Ural Federal University
named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin,
graduate student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Annotation
On the basis of discourse analysis the article examines the features of Russian neoliberal model. A hypothesis about its hybrid nature - as its main feature, which is the adaptation potential of the doctrine to the conditions of political reality, allowing it to take a symbiotic form, is made. Hybridity of Russian neoliberalism is both the reason and the result of double interpretation of values through the lense of "social justice" by people. The dual nature of neoliberalism is also shown in the controversial policy by power institutions.

Key concepts:
neoliberalism, discourse, hybridity, social justice, political space.